

Спустя два дня Ли Наньчжу собрался во дворец.

В тот день он поднялся с самой ранью — а поинтересовавшись временем, узнал, что на часах уже двадцать минут девятого. Что ж, для него это и впрямь было несказанно рано.

На столе красовалось пышное изобилие: сэндвичи с яйцом и ветчиной, кокосовые булочки с мёдом, ароматные копчёные колбаски... А рядом возвышались любимые уездным князем сытные, сочные хуньтуни и хрустящие чуныцзюани.

В еде Маленький уездный князь особых изысков не требовал и не принадлежал к тем привередливым вельможам, ради которых вылавливают сотню рыб ради одной тарелки деликатесных губ. Ему просто то и дело приходили на ум чудные задумки — захочется попробовать нечто эдакое, чего никто отроду не слыхивал и не видывал. Объяснить точный рецепт Наньчжу не мог: набрасывал лишь общую суть, а дальше кухаркам приходилось ломать голову самим.

Если кушанье выходило «не того вкуса», Наньчжу просто съедал совсем немного, но прислугу не наказывал.

Впрочем, при дворце Ли каждый слуга угадывал желания хозяина на лету. Шеф-повар Ли выделился среди кулинарной братии именно этим чутьём.

Едва бросив взгляд на стол, Ли Наньчжу понял: на кухне трудились не смыкая глаз. Из-за раннего подъёма аппетита у него не было.

— Сэндвичи упакуйте, съем в экипаже. А всё это заберите себе.

Поскольку хозяин отдал приказание ещё накануне, на кухне не смели медлить. Задолго до рассвета там уже разнёсся дух топлёного молока и свежей выпечки, и к выезду собрали целых три вместительных сундучка.

— Господин, пирожные, яйца-тарт и профитроли уже уложены в экипаж, — проговорила Чжу Лин, проворно заворачивая сэндвичи.

Ли Наньчжу кивнул. Направившись к выходу, он попытался вспомнить, не позабыл ли чего, но спросонья мысли путались, и через пару секунд он махнул рукой. В конце концов, он в столице: заскочит в следующий раз, если что-то упустил.

У ворот поместья уже выстроился парадный выезд.

Завидев пышный кортеж, Ли Наньчжу на мгновение обомлел: неужели обычная прогулка требует такого размаха? Но тут же вспомнил, что сам велел организовать всё по высшему разряду, и молча поднялся в карету размером с небольшую горницу.

Управляющий подал знак. Взвыли трубы, ударил гонг — и прохожие на улицах кинулись в стороны.

Впрочем, в этих кварталах уже начинался Внутренний город. По широкой Главной улице Великого Спокойствия снували исключительно экипажи знатных домов: либо слуги чиновников (сами вельможи в этот час заседали в ведомствах), либо дальняя императорская родня. Простым горожанам ход сюда был заказан.

— Дорогу уездному князю Ли! Прочим уклониться!

Шумиха сопровождала кортеж на всём пути. Стоило процессии пройти, как за спиной поднимался шёпот:

— Экая пышность! Кто же это столь расточителен, что устраивает подобное шествие прямо в императорских кварталах?

— Впереди знамёна! Даже если глаза подводят, уши-то должны слышать — выехал уездный князь Ли!

— Хм, прямо в центре столицы... Ну и размах!

— Да что там, даже августейшие принцы не позволяют себе подобного!

— И то правда! На днях Шестой принц повстречал экипаж уездного князя Ли, так сам придержал коней и уступил дорогу!

— Слыхали, будто цензоры уже подали на него донос императору?

Горожане переглянулись. Вдали всё ещё виден был пышный кортеж и слышен звон гонгов.

— Вот ведь диво! На него подают доносы, а ему хоть бы хны — только ещё больше пыжится!

У дворцовых ворот стражники с поклоном проверили княжескую табличку и немедленно освободили проезд. Ли Наньчжу беспрепятственно миновал ворота и первым делом направился в Зал Вечного Единения, дабы засвидетельствовать почтение Его Величеству.

Сегодня утреннего приема не было, и император Юаньхэ разбирал бумаги в боковом покое.

— Ваше Величество, прибыл уездный князь Ли, — доложил евнух Лю Лубао.

Наньчжу вошёл, чинно поклонился и звонко произнёс:

— Желаю здравствовать императорскому дяде!

Император Юаньхэ тепло улыбнулся и велел Лю Лубао подать гостю табурет. Наньчжу поблагодарил и без паузы выпалил:

— Пару дней назад ко мне заходил старший племянник, отдал должное моим сладостям. Вот я и приказал испечь побольше, чтобы и императорский дядя отведал, да и Няняню перепало редкое лакомство!

— Сдаётся мне, ты пришёл исключительно ради Янняя? — с доброй укоризной покачал головой император Юаньхэ.

Ли Наньчжу ничуть не смутился и заявил с абсолютной убеждённостью:

— Он ведь ещё совсем ребёнок! Надо ему уступать!

Император Юаньхэ лишь вздохнул и добродушно рассмеялся. Повернувшись к Лю Лубао, он молвил:

— Раз уж Наньчжу специально принёс угощение, отбери немного, я попробую.

Лю Лубао с улыбкой удалился выполнять приказ.

Вообще подданные редко дерзали подносить государю еду: во-первых, соподчинённость не позволяла (лишь император мог жаловать блюда с барского стола в знак особых милостей), а во-вторых, ответственность была сокрушительной. Случись с драконьим здоровьем малейший изъян — и головы всей семьи полетят с плахи. Даже сыновья императора Юаньхэ избегали подобного.

Однако Ли Наньчжу дерзнул, да ещё притащил три огромных короба — пусть дворцовые дегустаторы проверяют сколько душе угодно!

Перемолвившись с государем буквально несколькими фразами, юноша уже вознамерился сбежать. Ему хватало избалованности и непосредственности, но благородная красота искупала всё, и обижаться на него было невозможно.

— Я с детства не терплю книги. Стоит увидеть иероглифы — голова кругом! Императорский дядя, я лучше пойду погуляю с Нянянем!

Император Юаньхэ лишь ласково махнул рукой — иди, мол.

Едва Лю Лубао внес поднос с проверенными сладостями, как столкнулся в дверях с уездным князем.

«Уже уходит?» — изумился евнух.

— Евнух Лю, я побежал! — помахал рукой Наньчжу.

Лю Лубао, держа в руках поднос, с трудом склонился:

— Доброго пути, Маленький уездный князь!

А юноши и след простыл.

— Наньчжу уже ушёл? — с улыбкой спросил император Юаньхэ.

Заметив благодушный настрой государя, Лю Лубао со смешком пересказал сценку у дверей:

— Выскочил с улыбкой, чуть с ног меня не сбил! Поздоровался, а пока я рот открывал, умчался — только пятки засверкали! Словно спешил куда-то со всех ног.

По направлению было видно — побежал в сторону Восточного дворца.

Император Юаньхэ улыбнулся ещё шире:

— Этот мальчишка просто спешит отдать сладости Яннью.

Лю Лубао угадал мысли правителя и угодливо подхватил:

— Маленький уездный князь — душа невероятно чуткая. Как погляжу, к императорскому внуку он привязан куда сильнее, чем к прочим.

Государь кивнул. Он думал точно так же. Наньчжу искренне расположен к Яннью — и пусть это лишь родственная забота старшего о младшем, это всё равно лучше, чем холодное равнодушие.

— Что за сладости? Дай-ка попробую.

Настроение императора Юаньхэ заметно улучшилось. Он откусил кусочек: корочка оказалась нежной, а начинка — сливочной, умеренно сладкой, с тонким ароматом.

— Весьма недурно! — похвалил государь и хотел было велеть отослать часть Яннью, но вовремя вспомнил, что у того и так целые короба. — Отнеси поднос Благородной супруге Нин, пусть тоже отведаёт.

Лю Лубао поспешно принял повеление.

Выскочив из Зала Вечного Единения, Ли Наньчжу сообразил, что понятия не имеет, куда идти. Он уже собирался повернуться назад, когда его догнал молодой, сплошь белолицый и опрятный евнух.

— Раб Чан Гуй бьёт челом Маленькому уездному князю!

— Поднимись, — велел Наньчжу. — Как раз вовремя. Я не знаю дороги, проводи меня к Сяо Няню.

— Слушаюсь! Дедушка Лю отправил меня показывать путь. Князю сюда, — сияя от радости, проговорил Чан Гуй. Получить такое поручение было великой удачей.

Чан Гуй был приемным внуком Лю Лубао.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался Наньчжу, шагая следом.

— Отвечаю князю: мне пятнадцать.

«А выглядит совсем ребёнком», — подумал Наньчжу.

Они миновали узкий дворцовый проезд, ведущий на восток.

— Императорский дядя пожаловал мне особый пропуск. Как мне в следующий раз проходить прямо к Сяо Няню?

Чан Гуй знал про эту табличку. Даже любимчику государя, Двенадцатому принцу, не даровали права свободно перемещаться по внутреннему дворцу. Евнух проникся к гостю ещё большим почтением:

— По вашей табличке, господин, можно беспрепятственно проходить через передние покои и Восточный парк.

Разумеется, кроме покоев императорских наложниц.

— Если желаете сразу попасть во Дворец Долговечного Журавля, входите через Восточные ворота Умиротворения, пройдите три пролёта до Ворот Красного Солнца, а там за ними будет Зал Прилежного Учения...

За разговорами они дошли до Ворот Красного Солнца. Стражники, едва увидев пропуск уездного князя Ли, сразу расступились.

За воротами показался Зал Прилежного Учения — дворцовая школа, основанная ещё при императоре Гуанву. В те времена сыновья чиновников выше четвёртого ранга обучались здесь бок о бок с принцами. У рода Ли тоже имелась такая привилегия, но позже её упразднили, и теперь в школе занимались только члены августейшей фамилии.

— Мы пришли, — остановился Чан Гуй. Заметив, что князь всматривается вглубь, он тихо пояснил: — Далее по аллее располагаются покои принцев, а за ними — молитвенные пагоды государынь-наложниц, там двери всегда на замке.

Ли Наньчжу всё понял. Пошарив в поясном кошелье, он выудил горсть серебряных монет и высыпал их в ладони Чан Гуя:

— Спасибо, ступай обратно.

Чан Гуй бережно сжал ладонь. Приглядевшись к наградным монетам размером с ноготь, плотным и овальным, он разглядел чеканку:

«Словно пёсик... Но какой-то странный».

Это был рисунок Ванцай в особенном стиле, сделанный лично Наньчжу. Ванцай — любимый пёсик Маленького уездного князя, обычный желтый беспородный щёнок. Отправляясь в столицу, Наньчжу не стал брать его с собой, а оставил на попечение старшему брату, Великому князю Ли.

Серебра была целая горсть! Чан Гуй вспыхнул от восторга. Возвращаясь, он невольно думал, до чего же оригинален уездный князь. Наложницы обычно даровали изящные серебряные «семечки» или «тыковки» по одной-две штуки, а тут — и щедро, и необычно!

Дворец Долговечного Журавля.

— Нянянь! Нянянь! Дядя принёс тебе кое-что вкусенькое! — крикнул Ли Наньчжу ещё с порога, привычно обращаясь к мальчику как к несмышлёнышу.

Ли Яннень, услышав донесение слуг, отложил кисть и поспешно поднялся.

Старшая няня, видя, что императорский внук выбегает на холод без верхней одежды, засуетилась и сама поспешила за ним с плащом в руках, но юноша двигался слишком быстро.

— Что же ты так легко одет? — сочувственно нахмурился Ли Наньчжу, едва завидев его.

Ли Яннень чинно поклонился:

— Приветствую дядю Наньчжу. — Его голос прозвучал сдержанно и отстранённо. — Мне совсем не холодно.

Губы бледные, а твердит, что не холодно! Наньчжу проглотил готовые сорваться нотации. Они не виделись года четыре или пять. Мальчишка вымахал в настоящего старшекласника — видать, в самом разгаре переходный возраст, когда опека взрослых лишь раздражает. Что уж говорить о неродном дяде!

— Ну да ладно. Я принёс тебе лакомства!

Стражники за спиной Наньчжу внесли резные короба.

Наньчжу с торжественным видом откинул крышку:

— Та-дам! Это профитроли, а это пирожные с кокосом и клубникой! А яйца-тарт надо подавать горячими...

Ли Яннень стоял посреди залы, наблюдая, как дядя Наньчжу пытается задобрить его сладостями. Стоило их взглядам пересечься, как юноша тут же отвёл глаза. В широких рукавах его пальцы сжались в кулаки. Собравшись с силами, он выговорил безучастным тоном:

— Дядя Наньчжу, Яннень не любит сладкое. Вы зря потратили время.

— Да ладно тебе! В детстве ты обожал сладости!

Ли Яннень сохранял ледяную невозмутимость:

— Мне пора за занятия. Простите, дядя, не могу вас проводить.

Ли Наньчжу замер на мгновение... а затем просто отправил кусочек пирожного себе в рот.

«Что это с мальчишкой? Вдруг начал вредничать?»

В этот момент в покой вбежала Старшая няня. Услышав обрывки разговора и вспомнив про заветный коробок на столике у кровати внука, к которому тот никого не подпускал, она ощутила укол жалости и сперва поклонилась князю.

— Есть чай? — промычал Наньчжу, похлопывая себя по груди. — Поперхнулся!

Откусил слишком большой кусок — вот и опозорился перед малым!

Стоявший доселе спиной Ли Яннень мгновенно обернулся и крикнул слугам:

— Напоите чаем! И немедленно зовите лекаря!

— Не надо лекаря, сейчас пройдёт, — махая рукой, пропыхтел Наньчжу. Попив поданого горячего чаю, он взглянул на Яннень и увидел в его глазах нескрываемое волнение и тревогу.

Только что ведь изображал ледяную глыбу!

Заметив, что обстановка разрядилась, Старшая няня тепло улыбнулась:

— Тот чай с молоком, что князь прислал на днях, Его Высочество бережёт в своих покоях и никому не позволяет трогать. Нынче утром смотрю — крышечка приоткрыта, уж не испортился ли...

Уши «холодного и неприступного» Ли Яннень густо покраснели. Из последних сил сохраняя спокойствие, он пробормотал:

— Няня... Это я сам отпил.

«Ха-ха-ха, тайком пил чай с молоком!»

«И ещё утверждал, будто не любит сладкое! Вредит, как самый настоящий подросток!»

Дядя Наньчжу раскусил его без труда. Отпив ещё горячего чаю и окончательно справившись с крошками, он ласково поглядел на юношу.

Ли Яннень под этим взглядом окончательно растерял всю свою наигранную строгость.

— Дядя... — тихо вымолвил он, и в его голосе проскользнула прежняя детская покорность.

Ли Наньчжу невольно улыбнулся. У него хватало племянников и племянниц, и хотя все они на словах звали его дядей, на деле баловали и опекали как младшего брата. Но Сяо Нянь — совсем другое дело!

Перед ним — его любимый племянник!

— Ну-ну, умница, — просиял Наньчжу, прощая мальчишке недавнюю холодность. Но удержаться от подколки всё же не смог: — Раз уж любишь чай с молоком, я ещё пришлю. Не нужно экономить и прятать!

Только-только пришедший в себя Ли Яннень снова вспыхнул.

— Извини-извини, Няннень! Дядя не со зла, честное слово, ха-ха-ха!

Будь здесь Великий князь Ли, он бы ничуть не удивился. Наньчжу с самого детства был заводилой и проказником: чем больше он к кому-то привязывался, тем сильнее любил поддразнивать.

Даже Старшая няня не знала, что и сказать. Это княжеское «не со зла» звучало так, будто он специально изводил императорского внука!

Пока Наньчжу пил чай и угощался сладостями, Ли Яннень молча сидел подле него. Лицо юноши оставалось строгим, но в глазах Наньчжу он выглядел невероятно милым и послушным.

— Ну, с угощением покончено. Пойдём прогуляемся! — предложил Наньчжу, так как просто сидеть было скучно.

Ли Яннень поднялся, чтобы сопровождать его. Наньчжу заметил, что племянник всё ещё ниже его на полголовы, и ощутил себя настоящим солидным дядей:

— Я правду говорю, не обижайся. Дядя просто шутил.

— Дядя Наньчжу, Яннень вовсе не обиделся.

— Хороший мальчик!

Дворец Долговечного Журавля был просторен, но архитектура императорских покоев везде

одинакова. Пройдясь по дворам, Ли Наньчжу ощутил лишь зимнее запустение и тишину: в начале второго месяца пейзажи выглядели довольно уныло.

— В другой раз я выведу тебя из дворца развлечься! Старший племянник одолжил мне усадьбу: там можно и в поло сыграть, и на лошадях покататься, и на зайцев поохотиться!

Ли Яннень молчал, а Наньчжу внимательно посмотрел на него.

Спустя годы Сяо Нянь всё так же прятал свои мысли глубоко в душе.

— Что-то я проголодался. Пообедаю-ка я у тебя!

Ли Яннень сдержанно кивнул, а выбравшись из покоев, тихо отдал приказ Старшей няне:

— Велите приготовить свежие блюда. Обязательно баранину и ребрышки. Вкус сделайте понасыщеннее, добавьте острого перца и сычуаньского аромата, но ни одной горошины сычуаньского перца в тарелке быть не должно!

На прошлом семейном пиру дядя случайно раскусил скрытую в зелени горошину перца и долго потом морщился.

Старшая няня сразу поняла, что ужин заказывается по вкусу уездного князя. Прошло столько лет, а императорский внук до сих пор помнит каждую мелочь!

Вскоре подали обед.

Трапезу накрыли в боковом покое, где уютно потрескивал очаг. Поставили кисло-сладкие свиные рёбрышки и пряную жареную баранину. Ли Наньчжу при виде такого изобилия повеселел и готов был уплести три пиалы риса. Взяв палочки, он первым делом зацепил сочный, усыпанный специями кусок баранины. Ел он осторожно, боясь случайно наткнуться на злосчастную горошину перца, но на этот раз всё было идеально!

— А повара у тебя знатные! Даже перец весь выгребли! — радовался Наньчжу.

Перед самым Ли Янненьем стояли привычные ему диетические, почти пресные блюда. Но, посмотрев на дядю Наньчжу, с аппетитом уплетающего баранину, юноша на секунду помедлил... а затем потянулся палочками к той самой острой тарелке.

Заметив это, Ли Наньчжу от испуга за собственное лакомство мгновенно сгреб всю оставшуюся баранину прямо себе в пиалу!

Ли Яннань так и замер с палочками, зависшими над пустой тарелкой.

<http://bllate.org/book/19962/1990207>